

Ренат Харис

Выставка Победы — 1975

Поэма

*Я много лет с усмешкой принимал
слова о том, что нам нельзя без прошлого.
Я ход судьбы тогда не понимал,
не видя в прошлом ничего хорошего.*

*А жизнь былая — варом в казане,
как на огне, бурлила растревоженно
и заливала сердце жаром мне,
чтоб я постиг, что все недаром прожито.*

*И в некий год, в большой картинный зал,
явился к другу — живописцу знатному,
я словно вдруг на тридцать лет назад
перелетел по волшебству внезапному...*

*К тридцатилетию Победы
в те дни готовилась страна.
И, забывая про обеды,
мы перелистывали беды
те, что отцы и наши деды
в былом извели сполна.
(В нас всех жила еще война...)*

*Чем ближе подходила дата,
тем больше сыталось идей,
как возвеличить нам Солдата,
что от фашизма спас людей.*

*И, зная цену тем походам,
мир как знамена ввысь вознес
платки, впитавшие за годы
потoki горьких вдовьих слез.*

*Чтоб не остался невоспетым
из дней военных ни один,
в музейном зале в честь Победы
открылась выставка картин.*

*И, плача красками, полотна
кричали, горечи полны,
о тех кровавых, тех голодных,
о тех великих днях войны...*

* * *

*...И вот в те месяцы, когда
Казань кипела, как вода,
а праздник сыпал жар и искры —
из-под берлинских тополей
на наш победный юбилей,
перемахнув полмира быстро,
попал немецкий замминистра.*

*Он в ГДР жил, и в народ
культуру нес из года в год,
был мой коллега и ровесник.
И я приставлен был к нему,
чтоб объяснять, где что к чему,
о чем стихи гласят и песни.*

*Но, впрочем, с этой стороны
мои услуги не нужны
ему, по сути, оказались,
поскольку с русским языком
он был давным-давно знаком
и им владел легко, на зависть.*

*Признаться, немцев я тогда
не видел близко никогда,
был первым этот Клаус Хёнке.
А он легко со мной острил,
стихов цитатами сорил
(словно сидел и говорил
в нем робот от нажать кнопки!).*

*При слове «немец» предо мной
не образ Гёте, столь родной,
тогда всплывал и не Бетховен,
а Гитлер и горящий край —
тот изуверски страшный «рай»,
что был для бед нам уготован.*

*То говорила в нас не месть
(хотя к фашизму счеты есть
у каждого в семье советской), —
то дух Победы в нас пылал,
он жег нам душу и толкал
на вызов нации немецкой.*

*Еще бы нас тот дух не жег,
когда фашиста злой сапог
четыре года нас утюжил!
Лишь спичку к сердцу поднеси,*

*и, как огонь, по всей Руси
помчится гнев, как зверь разбужен.*

*Конечно, я не забывал,
что Хёпке сам не воевал
и был к фашизму непричастен.
Но дух возмездия во мне
таился громом в тишине
и разрывал меня на части.*

*Он не при чем, но он из тех,
кто нас губил, — так пусть за всех
покается передо мною!
А донесет потом?.. Ну что ж...
меня не ввергнешь этим в дрожь,
зато сведу свой счет с войною!*

*Я не считал, что я герой,
но безрассудство в нас порой
бежит вперед быстрее рассудка.
Позор ли, слава впереди —
мы то не знаем. Но в груди
цемит так сладко и так жутко...*

*Я изо всех крепился сил,
а после Хёпке пригласил
в музей народного искусства.
Там золотая блещет вязь,
там меж веками видно связь,
там пир художественного вкуса.*

*Он согласился. И сказал,
что для него музейный зал
во много раз священней храма.
«Для Вас ведь тоже? Разве, нет?..» —
и я легко кивнул в ответ,
но взгляд его не встретил прямо.*

* * *

*...И вот мы в музее. Продлив распорядок,
сотрудники славят пред нами Восток.
И видно, что все они искренне рады,
когда что-то гостя приводит в восторг.*

*И с трепетом, будто и вправду мы в храме,
мы слушаем повесть, идя по коврам,
о тайнах узорчатой филиграни,
что только болгарским далась мастерам.*

*И, глубже вникая в Востока истоки,
спросил он, прервав чужих слов караван:
— Вы разве не тех же кровей, что жестокий
и сеявший ужас вокруг Чингисхан?*

*И я, тот вопрос принимая по праву,
ответил, не пряча пылающих глаз:
— Он здесь проносил свою черную славу,
и сажка той славы осела на нас.*

*(В те годы, монгольско-татарского ига
чураясь сильнее, чем грозной чумы,
в научных трудах, сочиненьях и книгах
спешили от предков отречься все мы...)*

*Вот так, проходя меж сокровищ старинных,
не трогая тему войны и вины,
мы вышли в тот зал, где висели картины,
что были Победе все посвящены.*

*Я сам его вывел туда ненароком,
чтоб, видя, как правда окружит его,
не думал он о Чингисхане жестоком,
а Гитлера вспомнил хоть раз своего.*

*Пусть ходит, пусть видит победу народа,
что встал, как плотина пред скопищем льдин...*

*...И он, отказавшись от экскурсовода,
ходил от картины к картине, один...
Ровесник мой. Сорокалетний блондин.*

* * *

*...Я, как в кино, смотрю со стороны,
и грудь мою злорадством распирает,
когда на Хёнке жалко со стены
плененные эсэсовцы взирают.*

*Он переходит дальше к полотну,
но та же тема всюду в этом зале.
И разве сбросишь с совести войну,
что твои предки в мире развязали?*

*Вокруг — ни звука. Как на море в итиль.
Он к полотну Якупова* подходит:
на нем застыл поэт Муса Джалиль,
что и доньне духом жив в народе.*

*Вот Клаус Хёнке стал у полотна.
Муса — прекрасен... Мерзко окруженье...
Мне пять минут видна одна спина:
он в полотно глядит, как в отраженье.*

*Как будто он у зеркала застыл,
не поняв своего там появленья.*

* Харис Якупов, известный татарский художник, академик живописи Академии художеств России, автор картины «Перед приговором».

*Как трудно жить, когда зияет тыл
прорехами греха и преступленья!*

*Уже не раз, когда приходит час
спасать себя от правды иль наветов,
цари и палачи от Божьих глаз
скрываются за спинами поэтов.*

*Вот и теперь, в весенний этот день,
словно в картину вдруг переселившись,
он подошел к поэту и, как тень,
встал рядом с ним, с его фигурой слившись.*

*И вдруг спокойно, как растет трава,
сквозь тихий зал ко мне стихи поплыли.
И, их услышав, я узнал слова —
то были строки нашего Джаляля:*

*«Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила...»**

*Он так читал, как будто филигрань
сплетал из нитей золотых для перстня,
и каждый слог, словно алмаза грань
сверкал, вливаясь в эту реку-песню!*

*Он в этот миг стал дивно вдруг хороши,
и показался на Мусу похожим.*

*...А он закончил и сказал: — Ну, что ж...
Поехали ко мне... и там продолжим...*

* * *

*...И вот мы в гостиничном «люксе». Коньяк и лимоны
стоят на столе в ожидании первого тоста.
А я извожусь в нетерпенье, сгораю весь просто:
когда же он каяться будет за жертв миллионы?*

*Он должен лицом сейчас сделаться серый, как китель,
казнимый виной за отцов, — думал я убежденно.
И стало легко мне на сердце, ведь я — победитель!
А он, как тогда, в 45-м, опять, побежденный.*

*Но, тонкие рюмки успев между делом наполнить,
так просто спросил меня Клаус, к столу приглашая:
— Скажи мне, коллега... о чем ты хотел мне напомнить,
на выставке этой глазами меня прожигая?*

*Ты гневом пылал и стрелял, как из пушки, очами,
бросая в меня через зал свои взгляды косые.*

* Строки из стихотворения Мусы Джаляля «Случается порой» (1943 г.).

*Ты, видно, смешал меня в сердце своем с палачами,
которые жгли в 41-м деревни России.*

*Так ты бы спросил меня лучше со всей прямоюю,
и я б рассказал, как гестапо отца расстреляло,
а после — и мать. И остался я жить сиротою
у тетки, и та меня в темных подвалах скрывала.*

*Отец мой и мать были видные антифашисты,
и Гитлер казнил их... я даже примерно не знаю,
где место могилы... и ставлю букетик душистый
пред Русским Солдатом, что в Трептовом парке, 9 мая.*

*Так он говорил и смотрел на меня с явной жалостью:
мол, ты ведь уже не ребенок в коротких штанишках...
А я полыхал от стыда, как за гадкою шалостью
застигнутый взрослыми дерзкий проказник-мальчишка.*

*И, взгляда не пряча, ничуть не лишив себя гордости,
сказала я: «Прости», — каясь в несправедливой предвзятости.
(Но стыдно и ныне. У совести нет срока годности,
как нет его также у подлости или у святости.)*

*— Подобные выставки делаем мы и в Германии,
ничуть не боясь, что покажется правда обидною, —
итог подводя, молвил Хёпке, и за понимание
мы подняли тост, как за истину, нам очевидную.*

*— Народ — не шеренги, одетые в форму мышиную,
готовые топтать вперед за бравурными маршами.
Народ — это те, кто не стали военной машиною.
Народ — это мы. Ты и я. Вместе с болями нашими...*

*Так он завершил свою речь и по рюжкам разлил.
И вновь над столом зазвучал наш любимый Джалиль:*

*«Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!...»**

*Мы рюмки сомкнули. И высекли радостный звон.
И тост за Мусу без раздумия провозгласили.
Не часто приходят такие поэты, как он,
для этого надо и дух, и масштаб, как в России...*

*И, глядя на Хёпке, я стал ему так благодарен!
(И мне показалось, что он — малость тоже татарин...)*

Перевод с татарского языка
Николая Переяслова

* Строки из стихотворения Мусы Джалилия «О героизме» (1943 г.).

